

На другой планете

ПОРФИРИЙ ИНФАНТЬЕВ

Магистраль. Главный тренд

Порфирий Инфантьев

**На другой планете. Повесть
из жизни обитателей Марса**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Инфантьев П. П.

На другой планете. Повесть из жизни обитателей Марса /
П. П. Инфантьев — «Эксмо», 2026 — (Магистраль. Главный
тренд)

ISBN 978-5-04-231212-0

Путешественник попадает под лавину в Альпах и приходит в себя в обсерватории таинственного астронома. Тот уже давно общается с марсианами путём временного обмена сознания. Герою предстоит переселиться в тело молодого марсианина по имени Из и своими глазами увидеть цивилизацию Красной планеты. Мир марсиан — это социалистическая утопия: частной собственности не существует, искусство и спорт ценятся превыше всего, а жизнь на выжженной планете поддерживают гигантские каналы и моря. «На другой планете» - одна из первых в России фантастических историй о Марсе, написанная задолго до Циолковского и столкнувшаяся с цензурой из-за своих смелых общественных идей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-231212-0

© Инфантьев П. П., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Вместо предисловия	5
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Порфирий Инфантьев

На другой планете

Повесть из жизни обитателей Марса

Вместо предисловия

Эта книга находилась уже в печати, когда в «Новом времени» появилось сообщение, перепечатанное потом очень многими другими газетами, следующего содержания:

«Если верить сообщению г. Вольфрида Фонвьеля в газете „Matin“, событием дня в астрономическом мире являются сигналы с Марса. Они были наблюдаемы 8-го декабря мист. Дугласом, заведующим обсерваторией Флагстафа в штате Оризона. Об этом сообщено центральному астрономическому бюро в Киле директором Гарвардского университета, а бюро со своей стороны протелеграфировало это известие всем обсерваториям мира; парижская обсерватория сообщила известие во всеобщее сведение; несколько дней спустя оно было опубликовано в лондонской „Nature“ и в „Astronomische Nachrichten“.

Астрономы в последние годы все более и более проникались убеждением, что Марс населен и что население его, по-видимому, обладает цивилизацией высшего порядка. Вся планета изрезана системой каналов, далеко оставляющих за собой гигантские гидравлические сооружения древних монголов, китайских императоров и египетских царей. Поверхность Марса покрыта темными пятнами, в которых наблюдатели видят внутренние моря. Одно из таких морей, расположенное поблизости первого меридиана, равное по площади поверхности Франции, названо морем Икарии.

Наблюдая это море, мистер Дуглас был поражен следующим странным фактом: он внезапно заметил серию блестящих огней, расположенных по прямой линии, тянувшейся на несколько сот километров. Эти гигантские огни горели в течение часа и десяти минут и затем исчезли столь же внезапно, как внезапно и появились. Это расположение огней на прямой линии как бы указывает на волевое, разумное действие, а одновременность возникновения и исчезновения их подтверждает это предположение. За планетой зорко наблюдают астрономы, и всякое повторение этих сигналов не ускользает от их внимания. Они имеют два месяца для наблюдения, так как 22-го февраля Марс вступает в положение, препятствующее наблюдениям».

В дополнение к этому сообщению «Новое время» на днях добавило следующие строки:

«Ввиду возникших в печати и обществе сомнений относительно достоверности сенсационной астрономической телеграммы о сигналах с Марса, мы навели по этому предмету справки в астрономической обсерватории Петербургского университета, директор которой проф. С. П. Глазенап сообщил нам содержание этой циркулярной депеши, заключающей в себе следующее известие из Кембриджа (в Массачусетсе) от 8-го декабря (25-го ноября):

„Дуглас из Лоуэлльской обсерватории телеграфирует: „Прошлую ночью световой знак в северном углу моря Икариум держался в течение семидесяти минут. Пикеринг“. Эту телеграмму Пикеринга, директора центральной американской обсерватории в Кембридже, бюро астрономических депеш в Киле передало 26-го ноября (9 декабря) циркулярно всем европейским обсерваториям, в том числе Пулковской, которая известила русские университетские обсерватории. Такая же циркулярная депеша, подобно всем депешам кильского бюро, была напечатана полностью в одном из последних номеров специального международного астрономического журнала „Astronomische Nachrichten“».

Сообщение это является для меня как нельзя более кстати. Прежде чем решиться публиковать свое приключение, бывшее со мною когда-то в горах Монблана, я долго, ввиду его необычайности, колебался – стоит ли это делать? Поверит ли кто-нибудь в возможность того, что я буду описывать? И не поднимут ли меня на смех? Но теперь, когда во всем образованном мире так настойчиво заговорили о разумных существах на Марсе, подающих нам на Землю сигналы, я с более легким сердцем выпускаю в свет свою книгу».

Автор

Гор. Новгород

17-го декабря 1900 г.

I

В июле 1887 года, будучи студентом, я предпринял вместе с одним моим приятелем путешествие пешком по Швейцарии.

Отправившись из Женевы вдоль берега Женевского озера, мы вступили в Ронскую долину и по Симплонскому ущелью перевалили в долину Шамуни, откуда намеревались, поднявшись на ледник Mez de Glace, перейти Монбланские высоты и спуститься в Италию. Дорога эта трудна и опасна, так что туристы, не знающие хорошо путь через Монблан, обязательно берут с собою проводников с лестницами, веревками, дровами и провизией, потому что приходится иногда пролагать себе дорогу в ледниках, переползать по лестницам через зияющие расселины и пропасти, ночевать под открытым небом и т. п. Но в то время мы оба с товарищем были молоды и неопытны. Мы не расспросили даже как следует ни о предстоящих опасностях, ни о препятствиях, могущих встретиться на пути. Мы рассуждали, что если другие ходят по этой дороге, то почему же и нам по ней не пройти? Брать проводников мы считали излишним, да к тому же мы и не были настолько богаты, чтобы позволить себе это. Как истинно русские люди, мы рассчитывали в этом случае на «авось».

Однако, очутившись в царстве вечных снегов, среди совершенно голых, диких скал, не видя нигде даже и признаков какой-нибудь тропинки или следа, мы скоро поняли, что поступили немного опрометчиво. Куда идти? Какого направления держаться? Везде серые скалы, снег, ледники, пропасти, стремнины... Чтобы не терять направления, можно было руководиться, конечно, компасом; но такой руководитель в этих местах далеко не достаточен. Мы могли проблуждать очень долго и все-таки не попасть, куда следует; между тем провизии у нас с собою было всего дня на два, а наша одежда была слишком легка для той температуры, которая была на этой высоте. Возвратиться – значит сознаться в своем легкомыслии... Нет, лучше вперед, что бы там ни было! Авось как-нибудь, куда-нибудь да и выберемся!

И вот, огибая одну скалу за другой, одну за другой обходя пропасти, мы наконец совершенно заплутались и потеряли даже и ту дорогу, по которой пришли. Положение наше сделалось очень щекотливым. Между тем наступила ночь, и стало слишком свежо. С большим трудом набрали мы из жидких кустиков и сухой травы в ложбинах кое-какого материала для огня и развели маленький костер. С нами была дорожная спиртовая лампа, мы сварили чай, зажарили мяса, поужинали и кое-как скоротали ночь. Наутро опять в путь, и опять наугад. Мы рады были бы теперь уже и обратно возвратиться, но и обратную дорогу оказывалось отыскать было невозможно. Нам приходилось иногда ползти и карабкаться по довольно опасным крутизнам, но делать было нечего, нужно было во что бы то ни стало поскорее выбраться из этого лабиринта камней, утесов и ледников. Прогнозав прошлую ночь, мы не хотели рисковать провести еще другую, такую же мучительно-холодную.

Наконец, окончательно потеряв голову и не зная, где находимся, мы решили взобраться на одну встретившуюся нам снежную вершину, чтобы взглянуть оттуда на долины внизу, сориентироваться и высмотреть удобный спуск.

Сказано – сделано. Опираясь на свои альпенштоки, мы стали карабкаться вверх, ежеминутно рискуя соскользнуть с затвердевшей снежной коры и скатиться вниз. Я карабкаюсь впереди, мой товарищ за мной. Еще одно усилие – и вот я наконец на вершине, на самом гребне горы; но вдруг – трах!.. Ледяная кора подо мной проваливается, и я стремглав лечу вниз, в бездну, оказавшуюся на противоположном скате и скрытую от меня снежным гребнем, нависшим над нею; ударяюсь обо что-то и теряю сознание...

Когда я очнулся, то увидел, что лежу в груди мелкого мокрого снега, полузасыпанный; мое лицо лизала огромная сенбернарская собака, а подле меня суетились какие-то два чело-

века, один из которых старался выпростать мне ноги из-под засыпавшего меня снега, а другой укладывал подле носилки, намереваясь положить меня на них.

– Эге, наконец-то вы очнулись! – сказал по-французски один из незнакомцев, высокий, бодрый старик в очках.

Испытывая страшную слабость, я попытался было подняться на ноги, но тотчас же почувствовал головокружение и снова впал в бессознательное состояние.

Долго ли я пробыл в таком положении – не знаю; помню только, что все время мне чудилось, будто где-то вблизи меня играет огромный оркестр и я испытываю невыразимо-приятное наслаждение от этой музыки.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что нахожусь уже в комнате, на чистой постели, раздетый, в одном белье. На кресле возле меня сидел тот же самый господин в очках, которого я видел во время своего первого пробуждения. Он внимательно наблюдал за мной и лишь только заметил, что я раскрыл глаза, как, с доброй улыбкой обратившись ко мне, проговорил:

– Пора, молодой человек! Давно пора! Правда, вы сделали довольно-таки рискованный воздушный полет, но, кажется, у вас никаких серьезных повреждений нет; ваш обморок происходит единственно от сильного потрясения, которое вы испытали. Надеюсь, что это не будет иметь серьезных последствий.

Я попробовал опять привстать на постели.

– Те-те-те! – остановил меня мой собеседник. – Не торопитесь! Ради бога, не торопитесь! Вам нужно совершенно успокоиться, привести свои чувства и нервы в порядок – иначе у вас может опять повториться прилив крови. Пока я вам совершенно запрещаю вставать с постели. Вот выпейте-ка лучше вина – это вас подкрепит, а затем попробуйте заснуть.

И он налил из стоявшей на столе бутылки стакан красного вина.

– Да, остаться совершенно невредимым после полуторастасаженного сальто-мортале – почти невероятная вещь, – продолжал словоохотливый незнакомец, – но, однако же, к счастью, вы отделались дешево – с чем вас и поздравляю!

– Я уверен, что, не будь вас, я не отделался бы так счастливо, – заметил я.

– О, помилуйте! Я тут почти ни при чем. Случаю было угодно, чтобы в тот самый момент, когда вы карабкались на вершину этой злополучной горы, я находился в своей обсерватории. Я астроном, у меня здесь, на верху этой комнаты, своя обсерватория, – пояснил он. – И вот, смотрю я в трубу, карабкается человек, и вижу, что ему несдобровать, так как карабкается он почти на верную погибель, а предупредить об опасности нет возможности. У меня сердце разрывается от боли... и вдруг – трах! Ну, думаю, кончено! Погиб человек! Кричу своего Жозефа – слугу, беру собаку, захватываем носилки, чтобы хотя труп ваш извлечь из-под обвала, и каково же было наше изумление и радость, когда вы оказались жив и даже невредим!..

– Но мой товарищ?! Скажите, ради бога, что случилось с моим товарищем? Раз вы видели меня, вы не могли, конечно, не заметить и его! – с беспокойством вскричал я, вспомнив о своем спутнике.

– Успокойтесь! Ваш товарищ также цел и невредим. Когда вы провалились вместе с предательским снежным гребнем горы, до которого, к счастью, не успел еще добраться ваш товарищ, ему ничего более не оставалось, как спуститься обратно. Когда мы доставили вас сюда, я хотел отправить Жозефа привести сюда же и вашего спутника, но оказалось, что он встретился с какими-то туристами и, разумеется, теперь уже без нашей помощи разыщет дорогу. Может быть, будет беспокоиться о вашей участи; вероятно, предпримет розыски, но не беда. Послезавтра Жозеф пойдет в Шамуни за провизией и вас, кстати, туда проводит; а пока – вы наш гость, и вам необходимо отдохнуть и как следует собраться с силами.

– Позвольте мне узнать, милостивый государь, – сказал я, – с кем я имею честь беседовать и чьим столь радушным гостеприимством пользуюсь?

– Зовут меня Франсуа Роша, доктор философии, – ответил старик.

В свою очередь я назвал себя, и мы крепко пожали друг другу руки.

После второго стакана вина, любезно предложенного мне доктором, меня стала одолевать сильная дремота, глаза мои начали слипаться, и я сам не помню, как заснул, между тем как мой деликатный хозяин тихо и незаметно вышел из комнаты, оставив меня одного.

Спал я, кажется, довольно долго, потому что когда пробудился, то день клонился уже к вечеру. В комнате, кроме меня, никого не было. Я поднялся с постели, бодрый и совсем не чувствуя никакой боли, кроме разве усиленного сосания под ложечкой, так как в этот день с самого утра решительно ничего не ел.

Комната, в которой я находился, была, по-видимому, кабинетом доктора. Против одного из окон стоял большой письменный стол, весь заваленный книгами и рукописями. У одной из стен находился огромный стеклянный шкаф, также наполненный сверху и донизу рукописными тетрадями. В углу стоял умывальный столик, на нем таз и кувшин с чистой водой.

Узенькая витая лестница вела наверх, в обсерваторию. Я умылся, оделся и вышел в соседнюю комнату, в надежде найти моих хозяев; но ни в этой комнате, ни в кухне никого не оказалось. Я посмотрел в окно, но и поблизости жилища никого не было. Тогда, возвратившись в кабинет доктора, я поднялся по винтовой лестнице в обсерваторию, рассчитывая застать его там, но и там его не оказалось.

Я глянул с вышки на расстилавшуюся передо мною панораму и замер от удивления и восторга. Трудно вообразить более величественное и живописное зрелище, представившееся моим глазам! Солнце, близкое уже к закату, обливало своими золотыми лучами всю эту картину красивым, розовато-пурпурным светом и придавало ей меланхолически-задумчивый оттенок. <..>

Насладившись наконец созерцанием чудного вида, от которого невозможно было оторвать глаз, я стал в деталях рассматривать место, на котором была построена обсерватория. Оказалось, что место для нее было выбрано так, что она была совершенно скрыта от глаз любопытных и докучливых туристов, – этим только и можно было объяснить, что об ее существовании никому и ничего не было известно. Во-первых, она была устроена на одной из второстепенных вершин Монблана, и притом на такой из них, которые менее всего по своему внешнему виду служат приманкой для подъема на них туристов; а во-вторых, самое здание, на котором находилась вышка для наблюдений, стояло в небольшой ложбинке, образовавшейся на этой вершине, и снизу было совершенно скрыто от глаз посторонних наблюдателей, к тому же оно было выкрашено белой краской, так что среди окружавших снегов никому не бросалось в глаза даже и на близком расстоянии. И только самая обсерватория, т. е. вышка со стеклянной крышей, возвышалась над общим уровнем верхней площадки горы, но таким образом, что с нее можно было прекрасно обозревать все окрестности, не говоря уже о безбрежном небе, между тем как ее можно было заметить снизу только разве в сильную подзорную трубу, да и то заранее зная о месте ее нахождения. Та сторона, с которой ее легче всего можно было бы видеть, ограничивалась зияющей пропастью, а противолежащие горы были совершенно недоступны для подъемов, и таким образом прикрывали ее.

Осмотрев местоположение обсерватории, я стал рассматривать ее внутренность.

Внутри она ничем особенным не отличалась от других известных мне обсерваторий: те же инструменты, такие же приборы. Только рядом с главной астрономической трубой стояла другая труба, очень небольшого диаметра, но гораздо длиннее первой; внешний конец ее выходил наружу, за стеклянную крышу обсерватории, а внутренний был закрыт крышкой, заворачивающейся, как у обыкновенной трубы.

Желая посмотреть в эту трубу, я отвинтил крышку, но только что хотел подставить к отверстию глаз, как вдруг услышал подле себя чей-то совершенно незнакомый голос, явственно проговоривший по-русски:

– Здравствуйте! Ну, как вы себя чувствуете после своего воздушного прыжка?

Я с изумлением оглянулся кругом, но, кроме меня, в обсерватории решительно никого не было.

«Что это? Уж не галлюцинация ли?» – невольно подумал я.

– Вы, кажется, изумлены, не видя того, кто с вами говорит? – продолжал тот же голос.

– Признаюсь – да, и даже очень! – ответил я.

– Немудрено, – продолжал таинственный собеседник, – и вы еще более изумитесь, если я вам скажу, что с вами разговаривает обитатель совершенно иного мира: я житель планеты Марс и нахожусь от вас, по меньшей мере, на расстоянии 70 миллионов верст.

– Вы, конечно, шутить изволите, – возразил я, – тем не менее я поставлен в тупик и решительно не могу понять, где вы и с кем я имею честь беседовать?

– Но я совсем не шучу; уверяю вас, что я нахожусь на Марсе.

Мне было и смешно, и досадно, что со мной так фамильярно, ни с того ни с сего, начинает шутить какой-то совершенно не знакомый мне человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.